

Ольга Колова

К СВЕТЛОЙ ВЫСОТЕ
Стихотворения

Кострома, 2015 г.

Автор выражает сердечную благодарность Светлане Юрьевне Галкиной за финансирование и издание книги.

**«Бог есть свет, и нет в Нём
никакой тьмы»**

1 Иоанна: 1,5

ДА ВОССИЯЕТ В ПУТИ МНЕ ЗВЕЗДА!

Белый-белый свет –
Да в моём окне.

Белый-белый снег –
Да на душу мне.

Белый-белый снег
Раны мне накрыл.

И весь белый свет
Стал до боли мил.

Мне – ни бед, ни лет;
Не растрочен пыл...

И лечу вослед
Белых-белых крыл.

Знать, так надо, так положено
На роду:
По тропинке запорошенной
Век иду.

На судьбу за одиночество
Не ропщу,
В гороскопах звёзд пророчества
Не ищу.

Мне их игры хороводные
Ни к чему.
Выбираю путеводную
Ту одну,

Что волхвы Востока видели,
Зная суть
Указавшей путь к Спасителю,
Верный путь.

Пусть на картах не отметили,
Зорок глаз!
Свет её тысячелетия
Не погас.

Как с тропы, давно нехоженой
Не свернуть?
Век безбожный – бездорожие,
Труден путь.

Одинокий след покажется,
Пропадёт, –
Редко здесь проходит страждущий
В свой черёд.

Может быть, догонят путники?
Может, нет...
Я стихом своим, как прутиком,
Мечу след.

Огради меня, Бог,
От лукавых людей.
От лихих их идей,
От обманных их крох,
Что в ловушки кладут
Своей «щедрой» рукой;
От тенёт их и пут
Отведи и укрой.
И от лживых их уст,
От дурманных речей...
Хлебом их не прельщусь
В свете правды Твоей.
Чтоб в их глупой вражде
Не прервался мой стих,
Припадаю к воде
Откровений святых.

Как бестолково и смутно живём!
В годы безверия жутко родиться.

Во поле вьюга огромною птицей
Машет отчаянно белым крылом,
Словно зовёт за собою. Куда?
Разве во мгле отыщу я дорогу?..
Вновь обращаюсь с молитвою к Богу –
Да воссияет в пути мне звезда!

Живём мы вдалеке
Материка спасенья,
На диком островке
Иллюзии везенья.

Лелея миражи
Дворцов из мнимых истин,
Мы в паутине лжи
Над пропастью повисли.

Всяк думает: своя
У каждого дорога,
Как в тайне бытия
Прикосновение Бога.

А мимо вновь плывёт
Усталый перевозчик,
Зовёт к Себе, зовёт
Безумцев-одинок.

Уж огненный закат
Знамениями дышит...
Но их глаза не зрят,
И уши их не слышат, —

У всех свои дела,
Заботы и проблемы.
Очнёмся: кто мы? где мы?
А лодка уплыла.

Стирая грани меж добром и злом,
Всё ж кто-то, — верно! — думает о том,
Что близит катастрофу мировую.
Едва лишь миром овладеет зло,
И Люцифер прострёт своё крыло

Над всем...

мир истребит себя, ликуя в безумии.

– Но где же Бог тогда? –

Вы спросите.

Простите, господа, –

Он – ЗА ДОБРО, что мир отвергнет всеу.

Не постигли любви завет, –

Нынче кодексам счёта нет.

«Федеральный судья», «Час суда»

На ТВ растянулись в года.

Где скудеет любовь, – власть закона...

И всё плачут в России иконы, –

Скорбны лики, – помочь тем не чая,

Кто живёт не любя, не прощая...

*«Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует.»*

/Ф.Тютчев./

Разрушена основа бытия.
Разомкнуты все основные скрепы.
Создатель, человека сотворя,
Был рад и горд, а мы глухи и слепы.

Нам в мире этом не постичь Творца,
Творенье искажая ежечасно.
Ожесточив в неверии сердца,
Корим Его, что сиры и несчастны.

Растлили дух и развратили плоть,
Безверием опустошили души.
Но с жалостью глядит на нас Господь
И не спешит Свой замысел разрушить.

Он всё ещё, надеется и ждёт,
Что каждый смертный в сей земной юдоли,
Отчаявшись, как блудный сын придёт,
С любовью вняв Его Отцовской воле.

Церковь в Ильинском

Е.Л. Балашовой

Не войною разрушено.
Не чумою... Ах, что же я?!
Словно колокол слушаю
В смуты век и безбожия.

Глушь, разор, запустение...
Плачет даль за ракетами.
Птицы вьются в смятении
Над крестами забытыми.

Церковь полузабытая
Колокольня безгласная
Но ворота открытые –
Воскресение празднуют.

Вы не каркайте, вороны,
Над умолкшею звонницей.
С Небом связи не порваны,
Коль молитва возносится.

Словно вечность откликнулась
Всем былым поколениям.
Даль внезапно раздвинулась
Глубины откровением!

И метелицей по полю
Ангел кружит во мгле.
И одним крылом – по небу,
А другим – по земле.

Предрождественское

Между селом и деревней заснежено поле.
Тропочка вьётся, которою ходят гуськом.
Бродим и бродим по этой холодной юдоли –
Кто-то обутым, а кто-то всю жизнь босиком.

Здесь никогда не товарищи пеший и конный,
Сытый голодного тоже никак не поймёт.
И в восстановленном храме пред светлой
иконой
Молятся – кто за земной, кто за вечный
живот.

От хамства, злобы, равнодушия,
Что насадил двадцатый век;
От безнадёжности удушия
Пусть будет церковь – как ковчег.

Она, словно игрушка новая,
Красуется на радость нам.
Но жизнь затеплилась духовная,
И силу набирает Храм.

Да будем памяти достойны мы
За веру пострадавших, тех,
В мученьях смертных бывших стойкими,
Кто искупил Иудин грех.

Пусть пламенем их веры истинной
Господь алтарь наш озарит.
И православный путь единственный
В себе народ объединит...

Но путь тернист, ворота узкие
В ту высь, куда зовёт нас Спас...
Все новомученики русские,
Молите Господа о нас!

Июль 2005 г.

Прозрение

Когда спадают розовые стёкла,
Жизнь предстаёт в ужасной наготе:
Вся в ссадинах, рубцах, кровоподтёках
Как ЖЕРТВА ИСКУПЛЕНИЯ на кресте

Но лишь пред этим обнажённым взором
Мелькает стёжка – смысла жизни нить, –
К той ЖЕРТВЕННОЙ ЛЮБВИ, в лучах
которой
Вся благодать...

И счастье – ЕЙ служить.

С годами время ускоряет бег:
Чем дальше, тем быстрее дни мелькают,
Неумолимо годы пролетают;
Жизнь жалкой льдинкою в ладонях тает...
И как спасенья возвести ковчег,
Куда войдёт лишь самое святое,
Что в жизни удалось приобрести,
То, что Творцу не стыдно принести
В глубоком покаянии: «Прости!»?
А остальное же совсем не стоит
И мига жизни, отведённой нам.

Поверьте

А ветер гнёт ветви
Всё ближе и ближе к земле.
Поверьте, поверьте
В листа чистоту на столе.
Поверьте, поверьте
В текучесть души и полёт.
О чём же под ветром
Лепечет листва и поёт?

О том же, о том же,
Как прост и велик этот мир,
Что волоса тоньше
Та нить, что связала нас с ним,
Но нет и прочнее,
Коль нить та любовью вита
Мы связаны ею
С душою цветка и куста.
И не по наитью
Мы к родственным душам летим, –
Любовь тянет нити,
А мы лишь стремимся по ним
К деревьям и к людям,
И к птицам, к былинке в полях...
Чем больше мы любим,
Тем крепче нас держит Земля.
Поверьте, поверьте –
Душа никогда не умрёт.
И нет в мире смерти –
Есть к свету далёкий полёт.
И, веру приемля,
Нагорную проповедь чтя,
Наследуйте Землю,
Как кроткое Света Дитя.

Пусть в ярости ветер
Крепчает, становится злей,
Поверьте, поверьте –
Нас держит любовь на Земле.

*Протоиерею
Андрею Логвинову*

Пел соловей в глуши лесной, –
Не важно: слушал кто, не слушал...
Охвачен светом и весной
Он лишь природе был послушен.

И с неизменной новизной
Он выдавал свои коленца,
Казалось, что поёт самой
Природы трепетное сердце.

Вот так же истинный поэт,
Лишь вдохновенью угождая,
Творит: и плачет, и поёт,
Народа душу выпевая.

А песенку Сам Бог ведёт!
И, как Своё благоволение,
Нам услышать певца даёт
Для пробужденья
во спасенье.

Прикосновение к боли – есть рождение.
Проникновение болью – жизнь сама.
Преображение – творчество, паренье,
Порой над бездной. Иль самосожжение
В преображение этом, дабы тьма
Не поглотила Божьего творенья,
И Сам Создатель не сошёл с ума.

Что утаил, то пропадёт,
А что отдал, то сохранится.
Так память дорогие лица
Друзей и близких бережёт.

Лишь что отдал ты, то – твоё
Пусть даже имя позабыли.
Поступок в Вечности живёт.
Ведь Вечность не стирает были!

Мир изначально жив добром.
И, – как бы ни мудрили люди, –
Не оскудеет щедрый дом,
И в щедрых душах Бог пребудет.

Ярославе Скрипниченко

В этом горестном мире так поводов мало
для радости...
Даже то, что сияет, так призрачно и
переменчиво!..
То, что в юности манит, ненужным
становится к старости,
Так нам утренний кофе негодным
становиться к вечеру.

ДУША НЕ ТЕРПИТ ПУСТОТЫ

Под древнею строкой Екклесиаста,
Что суета сует – всё суета,
Давно уже подведена черта
Своей рукой.

И возникает часто
Лишь жажда разряжённой высоты...
В отчаяньи у края немоты
Паду на луг.

И небо близко-близко,
И облака заденут за траву...
Я пью душою эту синеву
И тем живу, не ощущая риска
Разоблачённой быть.

И наяву
Плыть на ковре лугов над облаками,
Над всеми замеревшими веками,
И бытия неясную канву
По-своему расцветить,

И в узоре

Ни узелка сомнения и горя

Не сделать. Лишь сиянье:

«Я живу!»

Пусть в вечности останется...

Колокольчик, милое создание,

Твой звоночек слушая в тиши,

В дымчато-сиреневом тумане

Я нашла усладу для души.

Ты её наполнил нежным звоном,

Серебристой искоркой пронзил...

Знаю, ты в миру своём зелёном

Благовестишь из последних сил.

Ты поёшь о таинстве творенья

От небес до чашечки цветка,

О великой полноте мгновенья...

Для тебя минута и века —

Всё одно. Всё так же клонит ветер

Травы и несёт со всех сторон

Мне...

– Лишь только я одна в ответе?! –

Столь пронзительный многоголосый звон.

Устав от нескончаемых словес,

От суеты пустой, как от проклятья,

Захочется сбежать в весенний лес

И кинуться в зелёные объятия.

Всей нежностью проникнуться земной,

Душой в весеннем мире раствориться;

Одновременно быть листвой и птицей,

И безмятежной высью голубой.

Быть лепестком у первого цветка,

Росинкой, отразившей лучик солнца...

И ласково вдруг Кто-то улыбнётся.

И – даль светла и радостно близка.

Душа не терпит пустоты
И всё старается заполнить.
Так взглядом силишься запомнить
Лица любимого черты.
И взором хочется вобрать
Всю широту родных просторов,
Обняв ту землю, на которой
Душе так сладостно страдать.
И синеву небес до дна
Всей жаждою неутолимой
Пить, проникая в мир незримый,
Где жизнь сама устремлена
К той полноте, где нет пустот
Внутри и вне души, где каждый
Осмыслен вдох...

Лишь света жаждой
Душа отправлена в полёт.

РЫВОК

Идти не можешь?

– Беги!

Бежать не можешь?

– Лети!..

Владимир Леонович

Перешагнул предел терпенья?..

Иль суть страдания постиг?..

Но, подавляя боль и крик,

Шагнул вперёд в изнеможение.

Тем одолел и отдалил

Волну бессилья у предела

Познания, что сила тела

Зависит от душевных сил.

...За этим – воля и полёт!

Ты – вне земного притяженья, –

Как вне людского разуменья,

Когда лишь высота зовёт.

Где Ты сейчас? Может, всё ж, над родной
Костромою?..
Бликих друзей всех прощальным
визитом одаришь?..
Как бы хотелось и мне попрощаться с Тобою!
Помню всегда и люблю. Ты же знаешь!
Ты знаешь...

10.07.2014.

И если небо не причастно
К кровавым ужасам земли
И в самые лихие дни
Для всех торжественно и ясно, —

То, что нам в равнодушной сини?..
Нет! Боль за ЭТИХ и за ТЕХ
Была в нём, пребывает ныне
И в будущем — без дат и вех.

Вот кто-то навзничь упадает.
В распахнутую синь душа
Взмывает, свой полет верша,
К Тому, Кто за неё страдает.

Там, где грудная клетка, что-то бьётся
И рвётся.

Сердце?

Но большое слишком.

И неужели может так томить:

Пылать, палить,

То камнем вниз катиться

С обрыва,

То парить, парить в восторге

Над пропастью

Или безумно рваться

К другому,

С жаждою неутолимой

Стремиться необъятное обнять?

Ужели сердце?..

О, душа, душа!..
Ты трепетная, пламенная птица.

Как близко небо пред снегопадом!
Предзимье. Лишь тишина... И небо –
Клубится, мреет и дышит рядом.
Душа замрёт: ничего не требуй.

А небо копит... Вот-вот обрушит
Громады туч, как Суда решенье...
Но благодатью нисходит в душу
Зимы спасительное забвенье.

Душа трепещет, душа ликует,
На миг забывшись в шальном круженье
Но как же мир без неё пребудет?...
И возвратится в изнеможенье.

А он уж белый!...

И чистый-чистый...

Хотя такой же несовершенный.
Снежок несмелый в рябинной кисти –
И то отрада душе блаженной

Первый снег

О, как он неожиданно пошёл!
С небес своих слетал не удержиимо
И таял... Исчезал непоправимо.
Но как им был заворожён весь дол!..

И так необычайно озорно
Он всех и всё вовлёл в своё круженье,
Что стал очарованьем, утешеньем
Для всех, кто наблюдал за ним в окно.

Слепой безумец?!. Глупое дитя?!.
Слетал он прямо под ноги прохожим.
Его ловили детские ладоши..
Для них он – праздник! И они, шутя

Его в свои пригоршни собирать
Так шумно и так весело спешили...
Лишь им-то и открыт смысл снежной были:
Снег и пошёл, чтоб с ними поиграть.

Пусть завтра позабудут все его.
Но где-то в тайничках глубоких сердца
Храниться будет отголоском детства, –
Снег первый – чудо, радость, торжество.

Из синевы глубоких теней
На ослепительном снегу
Февральское светосплетенье
Земли и неба,
На бегу
 К весне выхватывает душу,
Владея всею глубиной,
Где тени отступают, рушась, –
Всё заливают свет сквозной.

Ах, февраль, благословенна светлость,
Как же ты на солнце нынче щедр!
И сугробов мирная оседлость
Благодатно спит до самых недр.

В безмятежность снежного простора
Улыбнулись улочки села, —
На берёзки, избы и заборы
Светлая отрада снизошла.

Охватил все дали предвесенний,
Выжданный всем этим долом свет.
Синей дымкой умиротворенья
Дышит лес (уже и обогрет!)

А снега, снега всей белизною
Солнца откликаются лучам
И горят, горят перед весною,
На прощанье салютуя нам.

С каждым полднем тени всё короче, —
Им в сиянье этом места нет.
И душа так высветлиться хочет!
Рвётся, рвётся на могучий свет...

Что ж, я ей и не перечу в этом,
Я сама чудачке помогу:
Исцеляясь белизной и светом,
Расстилаю душу на снегу.

Ах, эти туманы,
 обнявшие дали туманы!..
Ах, эта истома
 весеннего тёплого дня!..
Земля ещё дремлет.
 Но трепетно, чутко, желанно
Её пробужденье.
 И бурных ручьёв воркотня,
Спешащих, грозящих
 ещё небывалым разливом;
Неистовость дятлов,
 синиц ошалевших трезвон, –
Всё нежит, волнует её
 предвкушеньем счастливым,
Журчит и щебечет,
 и гонит томительный сон.
А в нежности этой
 сокрыта великая сила.
Она ещё бродит незримо,
 под спудом творит...
И птаха – душа,
 что зимою устала, застыла,

Её ощущает, –
трепещет, поёт и летит.
И манят туманы...
И всюду свершается чудо
Великою тайной
и тёплым дыханьем земли.
И мы к ним причастны,
покуда живём и покуда
Навстречу весне
мы сердца открываем свои.

Деревья

\миниатюра

В. Арямновой

Корней могучих в землю углублённость
И крон святое устремленье ввысь...
Какая крепь и мощь, и вознесённость
В единую гармонию слились! –
Чтоб наших душ питать неутолённость.

А когда замолчу,
Загрущу, затоскую –
Зажигаю свечу.
Душу Бахом врачую.
Всё, что нужно – со мной,
В этой области света,
Что зовётся душой.
И земные предметы
Обретают свой строй,
Как проекцию в вечность.
Даже ветер с волной
Усмиряют беспечность.
Всё проявит свой смысл
И своё назначенье,
Что в значении числ
Учтено при творенье.
И величьем дыша:
Сплавом выси и бездны, –
Постигает душа
Мир земной и небесный.
Что ей тяжесть креста,
Коль бальзамом на раны –
Двух миров красота
В переливах органа.

Владимиру Смирнову (Старателеву)

Да будет музыка легка
И замыслу творца послушна,
Очаровательно воздушна,
Неся на крыльях плоть стиха.

И ощущая ритма власть,
Пленясь созвучьями всецело,
Сливаются ДУША И ТЕЛО,
В единстве песней становясь.

И будь благословен творец,
Соединивший душу с плотью
Так чудно, что они в полёте
Меняют ритм людских сердец.

Как часто в повседневной суете
Не замечаем, что в душе творится.
А там в неволе погибает птица,
Стремящаяся к светлой высоте.

ДА БУДЕТ НАДО МНОЙ ТВОЯ СВЯТАЯ ВОЛЯ

Ожог рябины в сентябре
И тот приму за Божью милость.
А чтоб душа не замутилась,
Вновь встану рано, на заре,

И день, как новую тетрадь,
С волнением в душе открою,
Чтоб всей небесной глубиною
Любить, молиться и страдать.

Молитва

О, как легко с Тобой! Как тяжело без Тебя!
Да будет надо мной Твоя святая воля.
Склонюсь перед Тобой и покорюсь любя.
Пусть будет только то, что хочешь Ты – не боле.

Сомнения мои сторгят в Твоём огне,
Им озаряя смысл Евангеля святого,
Всеведущ, Вездесущ, пребудь же и во мне
И прояви вполне и свет, и сладость Слова.

Теперь уже не верю обещаньям
И клятвам, и восторженным речам.
Лишь благостным на Бога упованьем
Живу и в благодарность строю храм
В душе своей. Краеугольным камнем –
Смирение, что он дарует мне.
Воздвигну стены верным послушаньем,
Стремленьем к свету – купол в вышине.
А в алтаре – святое пламя веры.
В нём истина, надежда и покой, –
Не станет Он испытывать сверх меры
Ни холодом, ни жаром камень мой.

Истина

Правд не счесть, а Истина одна, –
Свята, глубока и непреложна.
И Её оспорить невозможно,
Как познать вселенную «до дна»;

Досуха исчерпать океаны;
Сосчитать все звёзды до конца...
Ведь Она свободно и желанно
Чистым открывается сердцам.

Даст ответ нам на любой вопрос
И не даст во мраке заблудиться,
Если к Ней всем сердцем прилепиться,
Зная, – эта Истина – Христос.

«Что есть Истина?» – Пилат сказал,
Сам о Ней ничуть не помышляя,
Кесаря разгневать не желая,
Лживой злобой трусость прикрывал.

И никто не смог понять Её,
Кроткую, смиренную, босую...
Так и ныне люди, судя всеу,
На Неё летят, как вороньё.

А Она, воздетая на крест,
До сих пор реальной всей вселенной,
Сущностью Своею неизменной
Всех и всё животворит окрест.

Страхи

«Начало премудрости – страх Господень».

Книга Притчей Соломоновых 1,7

О, как боимся мы всего!..
В болезни, в бедности остаться
Иль одинокими скитаться,
Лишившись крова своего.

Боимся катаклизмов, бед,
Чем ежедневно нас страшат,
И гибель света возвещают,
В СМИ раздувая всякий бред.

Опасно есть, опасно пить,
Купаться и дышать всей грудью...
Страх стал второю нашей сутью,
Без страха шага не ступить.

Страшимся за своих детей,
Родных, друзей, любимых, близких...
Жизнь увеличивает риски
В пылу разнузданных страстей.

Парализует страх войной...
И пуще страхи нагоняют
Все те, кто мнимо управляет
Парализованной страной.

Отсюда – миллион проблем.
Мы их всю жизнь решить стремимся.
Лишь одного и не боимся, –
Того, Кто управляет всем.

Боимся даже и признать, –
Лишь Он всем может управлять.

Спокоен тот, кто видит, всё же, —
Исток премудрости — страх Божий.

Неизбывна суета.
И смятенье... И тревога...
Тяжесть вечная креста...
Непредсказанность итога,
Что зависит не от нас.
Но и мы с судьбою в доле!
Выбор — наш и наша воля.
Остальное Бог подаст.

*«И мне легко, - на волю Божью
Я положила до конца».*

Е. Балашова

Довольно дню его печали,
Его трудов, его забот...

И радости не намечаю, –
Она сама собой придёт.

Я только делаю, что нужно,
В такой-то день, в такой-то час,
Всегда спокойно и послушно
Приемля то, что Бог подаст.

Я изжила в себе тревогу.
В душе покоя благодать.
Всё это оттого, что Богу
Я научилась доверять.

Не признаю отчаянья, бессилья...
Уверена, – спасут, наверняка,
Поэзии сияющие крылья
И Господа всесильная рука.

Я пришла в этот мир научиться терпенью.
Каждый в мир сей приходит чему-то учиться.
Мне ж учение выпало – в грусти осенней
Быть, по воле судьбы, некочующей птицей.

Я познаю терпенье осеннего леса,
Что – опорой немой безысходности поля,
Когда плотных туманов седая завеса
От отчаянья птиц прячет лик его боли.

И смиренье земли в первый час снегопада,
Когда саваном небо её покрывает,
Как главнейший урок мне усваивать надо
(А она о своём воскресении знает?).

Только зябких ветвей непостижно смиренье,
С коим дали одежды ветрам в поруганье,
Да российских дорог, чьё размыто стремленье
В поглощающем волю и разум тумане.

Непостижно без малой той искры, что грея
Даже в лютый мороз, нас спасает подспудно.
И продрогшей душе, на ветру цепенея,
Свет её увидеть так отрадно, так чудно!..

А всего-то лишь и надо –
Душу в вечности спасти:
Мимо грязи, зла и смрада
Невредимой пронести,
Ни за что не зацепиться
И не стать ничьей бедой,
Уберечь соблазна птицу –
“Рая” в клетке золотой...
Луч Божественного света
Находя, дари другим...
Настоящее лишь это.
Остальное – призрак, дым.

Награда и наказание

\притча

Господь с учениками шёл,
И утомил их путь,
Решили: было б хорошо
Под кровом отдохнуть.

Селенье видят за холмом,
Вошли в него, глядят:
В какой бы постучаться дом,
Где на ночь приютят?

Роскошно убранных хором
Их привлекает вид.
«Вот здесь мы славно отдохнём», –
Андрей всем говорит.

Другие тоже с ним не прочь...
Такая красота!
И провести в хоромы ночь
Зовут с собой Христа.

В дубовые ворота стучат:
«Хозяин, открывай!»
Из дома выйти не спешат,
Лишь псов несётся лай.

Лениво вышел из хором
Сердитый господин,
Сказал, что их не впустит в дом,
Что любит спать один.

«Вас много бродит по дворам
Бездомных и больных.
Вязаться с нищими мне срам.
Пусть Бог призрит на них.

Голодных оборванцев сброд,
Что с вас я получу?
Вон убирайтесь от ворот,
Не то я псов спущу!»

Пошли усталые ни с чем,
Немало огорчась.
И говорит Учитель всем:
«Устроимся смирясь.

Вон бедное жильё вдовы.
Она нас приютит.
Хоть нет в нём роскоши, увы,
Но дом всегда открыт».

Зашли в жилище без прикрас,
Вдову давай просить...
«Да где ж я уложу-то вас?..
И нечем угостить...

Вот, разве, на полу постлать...
Да дам воды испить...
Всяк странник – Божья благодать.
Ночуйте, так и быть».

И уложила отдохнуть
На свежую траву...
Проснулись утром, снова – в путь,
Благодаря вдове.

Путь наших странников лежит
Тропою полевой...
Вдруг им навстречу волк бежит,
Голодный и худой.

К Христу волчина подлетел,
«О, Господи, напасть!
Неделю ничего не ел!
Вся пересохла пасть.

Молю Тебя, дай пищу мне,
Иначе мне конец.
Помру голодный на стерне.
Спаси меня, Отец!»

Господь: «Эх, жалко сорванца!
Смотри, за тем леском
Пасётся вдовушки овца;
Бери себе на корм».

Ученики, оторопев,
В глаза Его глядят.
В их душах закипает гнев.
Поверить не хотят:

«Учитель, Ты жестокосерд!
И наши рвёшь сердца.
Ведь ничего у бедной нет
Вдовы, – одна овца.

Её последнего лишать
Ты вздумал сгоряча.
Не лучше ль было наказать
За дерзость богача?

«Да я его уж наказал!
С утра покоя нет:
В саду своём он откопал
Горшок золотых монет».

Суть этой притчи тем ясна,
Кто к Господу идёт.
Проста для видящих она,
И немлющий поймёт.

Вдова доверится во всём,
По бедности, Творцу.
Дух её будет вознесён
К Небесному Отцу.

Богач же будет на мошну
Надежды возлагать
И – знать лишь выгоду одну,
А Господа не знать.

Просвещённый и неопит

| диалог |

- Душа из тела вырастает и улетает.
- Навсегда?
- Да нет... До Страшного Суда.
- А Суд когда?
- Никто не знает.
- Где ж утешение тогда?
- Душа там Бога постигает.
И пребывает с Ним всегда.
- И после Страшного Суда?
- Ну да, Он всем во всём тогда
Пребудет. Но тому беда,
Кто и тогда не скажет «да», –
Христу, во мрак себя ввергая
Навеки.

*Василию Ирзабекову – автору книги
«ТАЙНА РУССКОГО СЛОВА»*

Велик народ, – и ТАЙНА велика.
И так чиста, светла и сокровенна!.. –

Душа вдруг замирает преклоненно
Пред святостью родного языка.

Духовность русской речи так крепка, –
Святая и нетленная основа.
Ведь Сам Господь, Себя явивший Словом,
Речь нашу освящает все века!

Как важно чистоты не замутить!
Как страшно!.. и ответственно пред ними –
Былыми поколениями; святыми,
Что святость в сей язык смогли вложить.

И дивно так!.. и радостно уму,
Что сын иной культуры (Так бывает!)
Благоговейно СЛОВО постигает,
И ТАЙНА открывается ему.

Николаю Зиновьеву

– Добрый вечер!
– Добрый вечер!
Кто-то ждёт желанной встречи,
Тихо зажигая свечи.

Кто-то водкой «душу лечит»...
Кто-то растопляет печи,
В шаль укутывая плечи.
Я же сердце надрываю
Над стихами Николая
В этот вечер...,
Добрый вечер.

А надрыв душевный вечен
У российского поэта.
То – Творца святая мета;
Самого Христа порука –
Вечная, благая мука –
Всех жалея, всё любя,
На кресте держать себя.

Пусть будет воздух чист всегда,
Пусть будет чистою вода.
И голубыми – небеса,
И серебристою – роса...

Пусть будет чистою трава,
Пусть будут чистыми слова.
И, этой чистотой дыша,
Легко очистится душа.

А может быть – наоборот:
Тогда очистим лоно вод,
Заголубеют небеса,
И серебром блеснёт роса...
И будет чистою трава,
И станут чистыми слова,
Когда, очистившись, душа
Захочет чистотой дышать.

ВЕСЬ МИР ДУШОЮ ОБНИМАЯ...

Мне судьбой не дано
 в этом мире иного пути.
И, куда б ни манили
 иные просторы и веси,
Голубицею кроткой
 душа присмирела в груди

С таким несовершенством плоти
И, отказав душе в полёте,
С землёй навеки обнимусь,
Все полюбив, что возвращено
И то, что взято тоже ею.
Вникая в суть вещей, немею:
С какою нежностью зерно
Упавшее она лелеет
И всей глубинной силой верит,
Что может высь постичь оно
Ростком...

Неутомимые капли –
Слезинки просветлённых дней.
Да! Всё яснее, всё видней
В такие дни в канун апреля.

И высь становится родней.
И – даль, и широта без края.
Весь мир душою обнимая
И – жизнь...
Я снова присягаю
На верность – столь неверной ей.

Живу займы. Смогу ли заплатить
Всем, у кого без счета занимаю?
За снегопады – январю и маю –
За всё цветение? Лишь волей жить?

Жить и любить, всё из своей сумы
Отдав лишь тем, кто заплатить не сможет.
Пусть никого тот долг не потревожит...
То просто лучик солнца средь зимы.
А солнцу чем воздать сумеем мы?

Хватаясь за соломинки лучей,
Вдруг оживишь забытые виденья
Из детства, милые... И растворятся тени –
Неясные подобию людей.

Останется лишь ангельская суть –
Та, высшая и внятная лишь детям,
Которой мы, взрослея, только бредим,
Когда случится высоты глотнуть.

И в этом озарении любви
Зло обнаружит всё своё бессилье.
И за спиной у встречных видишь крылья,
Такие же большие, как твои!

И после, после в суете земной,
Когда и крылья некогда расправить,
Не покидает солнечная память.
Да! Свет её во мне и надо мной.

Зелёные озёра тишины
В моём краю, – нырнёшь и трудно
вынырнуть,
Как из объятий нежных душу вызволить;
Пленительны, как на рассвете сны,

Пророчащие счастье.
Глубины
Их не постичь, – чарующе таинственны...
Но в утешенье и в признание искренни.
И как во всепрощении ясны!

В их шелесте и блеске суть одна.
И щебетанье птиц – лишь всплеск
той нежности,
С какой любви могучая волна
Качнет тебя... И снова в безмятежности
Оставит.
Но на гребне той волны
Свободу обретаешь в озарении:
То знание, что мы в себе вольны.
И – не страшат ни взлеты, ни падения.

В роще берёзовой, светлой, как Русь,
Долго брожу, чтоб в листве раствориться.
Слышу – сквозь душу струится, струится
Нежным сиянием лёгкая грусть.
Будто святая вода родника,
Скрытого где-то под сенью лесною,
Всю безмятежность и благодать покоя
Здесь для меня сберегала века.
Солнца лучи, проскользнув сквозь листву,
Теплят в траве негасимые свечи...
Мир на душе, словно каяться не в чем,
Словно впервые дышу и живу.

Русская берёза

Берёза, русская до боли,
Здесь, у околицы села...
Она всю древность вобрала,
Впитала всю печаль раздолий,

Невысказанную печаль,
Что шелестит листвою в кроне
Плакучей – только ветер тронет
Шатёр зелёный невзначай.

Когда-то крону, как покров,
Она держала над избою,
Надёжно защитив собою
От всех пожаров и ветров.

Но, всё же, не уберегла
От урагана страшной смуты:
В стране без лада и уюта
Изба прижиться не смогла.

И стала лишней, как окрест
Лежащие поля, ненужной,
Как тот часовенки-церквушки
Спасенье обещавший крест;

Как те седые старики
С житейской мудростью и ладом,
С их пристальным, пытливым взглядом
Из-под натруженной руки.

Познав суть радостей и бед,
Живые летописи века
Уходят, и берёза веткой
Махнёт, как плакальщица, вслед.

Кого ж теперь ей защищать
Своей ещё могучей кроной?
Или простор незаселённый
Российским духом освящать?

В деревнях гуляют сквозняки –
Ветхих изб непрошенные гости.
Одичалый ветер на погосте
На кресты кидается с тоски.

Воеет в исступлении... По ком?
По умершим или по живущим –
Кто ушёл на поиск доли лучшей,
Наспех окна ослепив крестом?

Это крест судьбы: невзгод и бед –
Это крест крестьянской тяжкой доли –
По окошкам изб, чтоб не кололи
Их глаза упрёком горьким вслед.

Покосились избы с той поры,
Взяли верх над всем бурьян с крапивой.
Старая часовенка с горы
Смотрит вдаль печально-сиротливо,

Дай погляжу... И правда – Оля. Ну,
Совсем сляпая баушка-то стала,
Того мотри, блудиться уж начну.
Да, слава Богу, ноги ешшо ходят, –
Все дивятся, что не догонишь, мол.
Восемьдесят седьмой сравнялся годик.
Да-а, с сентября восьмой уже пошёл.
– Козушку-то, баб Ньюра, ты всё держишь?
– Ну ве-е-домо! А как же без неё?
Козушка, что подружка. Аль зарежешь?
Какое в одиночку-то житьё?!
– И молочко своё...

– Вот накружи-и-ла...

Ведь ялова, – поди, четвертой год!
Подумала – суягна, запустила,
А та травы натяпала в живот,
Вот и раздуло лешую. Ну, ладно,
Живи. Мне всё охотнее с тобой.
А летом-то и вовсе мне повадно:
Поду куда – она всегда со мной.
Овца вот ешшо есь да пара кошек...

– А по воду-то тяжело, поди?
– Да, ведь, недалеко. Господь поможет!
Увидит кто – «Эй, бауш, погоди!»
И донесут, и в лесенку подымут,
Да много ли мне надо-то воды...
Ковш на себя да ковшик на скотину.
Вот накормлю – и все мои труды.
– Зато встаёшь-то ты, поди-ко, рано?
– Да полно! Как проснусь, так и встаю.
Ну, ведомо, в потёмках. А устану,
Когда смеркнётся, Господу пою.

И «Отче наш», и «Верую» читала
Мне бабушка на лавке средь села.
И, кончив, начинала всё сначала:
Молитвою дышала и жила...
И теплота из глаз её лучилась:
Душа дарила миру свой покой.
Казалось, что на всё сходила Милость,
Когда она трясущейся рукой
Себя знаменьем крестным осеняла...

И службе этой стала помогать
Часовенка, что рядышком стояла
И ведала, КАК надо ей стоять.
К ней, бедной, превращенной в
ларь казённый,
Служившей торгоскладом туш мясных,
А ныне – ветхой и опустошённой,
Был бабкой обращен духовный стих:

«Боже праведный, великий,
Научи, как в мире жить.
Обнови мне дух, Владыка,
Помоги врага любить.
Дай, мне, Господи, уменья
Все обиды забывать.
Научи меня смиренность
Крест нести и не роптать».

Запись 2000 года.

А. А. Мухиной

А у неё глаза синее неба,
У бабки той, что Анною зовут.

Накупит в магазине гору хлеба –
На всю родню, что проживает тут.
Девятый уж десяток разменяла,
А всё – добра, улыбчива, бодра.
Всё – для других, а для себя – нимало.
Лишь зачерпнёт водицы из ведра
Да самовар поставит под иконы,
Молитовкою день благословив...
Как яблоня в саду, – с земным поклоном
Несёт души свой золотой налив.

В сумерках

«Мотри, как день-то пригнуло,
Ан, ровно и не рассветало...
В окне забластило, ну, встала, –
Смякнула: время уж пришло
Вставать да хлопотать по дому.
Да ноне много ли хлопот...
Зима – бездельница: всё в дрёму
Кидает. Так и день пройдёт
За прялкою. Прядёшь да дремлешь.
И за день дела – с гулькин нос:
Напрясть хоть на носки сумеешь,

А всё внучок не будет бос!
Потом свяжу. И то – отрада!
Всё старая ешшо нужна
Кому-нито... Как без труда-то?!
Я в прежние-ти времена
Нали спины не разгинала.
В работе сызмалу была:
Корову зорькой обряжала,
Когда у мамоньки жила.
Потом – семья: семь ртов, не мене.
Всех обиходь да накорми.
Да и в колхозе – всё без лени.
А тамоди за трудодни, –
За «палочки» тода ломили.
А денег не видали, нет.
А как мужей-то проводили
На ту войну, хватили бед.
Косили, жали и пахали
Всё бабы. Бабы да быки!..
И в Галич на быках езжали.
Лошадки, как и мужики, –
На фронте. Ох,хватило лиха
И им, и нам. Вялик наш Бох!

Но не сорвётся, удержится, – счастье пророчить
Некому здесь: старики лишь в деревне одни.
Пусть же для них будут лёгкими светлые ночи,
А золотистым сияньем пускай наполняет их дни
Яблочный Спас.

Тётя Ида

В некоем доме инвалидов
Без забот и без хлопот,
В силе, в теле тётя Ида
При-пе-ва-аючи живёт.

Нет тяжёлого недуга,
И годам не долгов счёт...
Лишь глуха на оба уха, –
Аппарат не подберёт.

Но судьба – других не краше:
Муж погиб, и дом сгорел.
И осталась бабка наша
И без крыши, и без дел.

Есть у бабушки три сына, –
Без нужды живут, без бед.
Все – солидные мужчины.
Но для мамы – места нет.

А она не унывает:
Словно бабочка порхает,
Завлекая всех мужчин, –
Ей не нужен ни один.

Не гнетут её обиды,
Нет в ней злобы ни на грош...
Веселее тёти Иды
Никого здесь не найдёшь.

Где-то в дебрях глухих
Берегут чистоту родники;
Над лесными селеньями
Ярче далёкие звёзды...

Где ещё чудачки
Кормят птиц с огрубевшей руки,
Не зоря понапрасну
Свои и звериные гнёзда.
Где бинтуют берёзы
Извечные раны Руси,
И всегда в утешенье
Печаль твою выплачут ивы;
Где в предутренний час
Мир, – как в день сотворенья красив, –
Полнясь светом Творца,
Замирает на миг молчаливо...
ЗДЕСЬ ютится Россия,
В глухих потаённых местах,
В чистоте сберегая
Святую, великую душу
От разврата и срама,
Во имя Творца и Креста,
Греясь верой в Него
В мировой свирепеющей стуже.

Вербное воскресенье

Апрельской нежностью обласкана земля,
И вербы мягкими, душистыми губами
Пьют синеву и теплоту, плывя
В пространстве золотыми облаками.

Лес осиян, – лампы теплят в нём
Ветла и верба – стужам воздаянье.
И нимбов благодатное сиянье
Преобразило ближний окоём.

Быть может, утешение лия,
Бредут по лесу русские святые,
Молитвами которых и поныне
Жива и свята русская земля.

Меж сосен сумрачных, в сырой лесной тени
Деревья скромные – в цвету весною ранней...
Здесь, на Руси распяты и страданье
Оденут в ризы светлые они.

Всё чаще – потери.
 Всё реже – находки.
Года пролетели,
 причалены лодки.
И сердцу роднее
 пора листопада,
Где небо виднее...

 А золоту рада,
Лишь как откровенью
 нездешнего света,
Который Господь
 посылает в награду
Земле, за прекрасное,
 щедрое лето.
А нам – в утешенье,
 как весть, как отраду.

Нас осенила крылом золотым
Тихая осень.
Ветер сомненья развеял, как дым, –
Больше – не просим.

Даль лучезарна и высь глубока –
Взор не напьётся.
Словно с небес благодати река
Льётся и льётся...

На Троицу

На Троицу сирень
Знаменовала лето.
И плыл июньский день
Сплошным потоком света:
Тягучим, золотым,
Как свежий мёд из сотов,
И вечно молодым,
Не знающим заботы.
Всё славил Творца
С особой теплотою,
И наполнились сердца
Оградой неземною.
Так, прогоняя сонм
Житейских попечений,
Плыл колокольный звон,
И аромат сирени.

После ливня

Прорыдался август бурным ливнем
В тёплые ладони площадей.
Мокрый город выглядит счастливым,
Смыв усталость жарких, душных дней.

Миллионом солнечных осколков
С крыш, и с луж смеётся Кострома.
И свежо, и нежно дышит Волга
На проспекты, улицы, дома...

Полевые цветы

Есть особая прелесть в цветах полевых —
В васильках, в колокольчиках, в той же
ромашке...
Вот она, словно солнышко в белой рубашке,
Все кивает головкою нам из травы.

Всей бескрайностью манит волнистая рожь.
Меж неё свою синь поразбрызгало небо.
Нежной синей ресничкой мигают из хлеба
Васильки: «Не грусти, когда мимо идешь!»

Знакомо калиточка звякнет пружиною
ржавой.

Приветит оконце цветами со шторок
простых...

И дом обнимает тебя всей своею
державой.

Взойдёшь на крыльцо и, разувшись,
шагни за порог.

Стопой ощутишь холодок лошадиной
подковы,

Прибитой здесь тем, кто на счастье
надежду берёт,

Когда разрушали крестьянского лада
основы.

Но это – история. Я же сейчас – о другом...

Всего лишь о том, что на сердце под
спудом хранится, -

Мир дома родного, вид каждой его
половицы,

Промытой и крашенной нашим
прилежным трудом.

Обитая войлоком дверь. Ты её отвори.
И запахи детства волной тебе хлынут
навстречу.
Теплом материнским дохнёт на тебя
изнутри
И супом томлёным из жарко
натопленной печи.

И мама из кухни выходит навстречу легко,
Тепло обнимает, и взгляд её лаской
лучится.
Ты в детстве своём, все печали твои
далеко.
Ты дома, а здесь невозможно плохому
случиться.

И в маленьком зальце танцуют пылинки,
горя
В лучах августовского солнца, что бьёт в
три окошка.
Сияет сервант, словно выпилен из янтаря.
Под круглым столом, растянувшись,
мурлыкает кошка.

Вот всё и воскресло! Всё память заветно
хранит.
И всё оживлять может сердце любовью
своею.
Лишь вспомни об этом. И в самые
хмурые дни
Сияние дома родного утешит, согреет...

24.02.2015.

СОДЕРЖАНИЕ:

ДА ВОССИЯЕТ В ПУТИ МНЕ ЗВЕЗДА!

«Белый-белый свет...»	4
«Знать, так надо, так положено...»	5
«Огради меня, Бог...»	7
«Как бестолково и смутно живём!...».	7
«Живём мы вдалеке...»	8
«Стирая грани меж добром и злом...»	9
«Не постигли любви завет...»	10
«Разрушена основа бытия...»	11
Церковь в Ильинском	12
Предрождественское	13
На освящение церкви	14
Прозрение	16
«С годами время ускоряет бег...»	17
Поверьте	17
«Пел соловей в глуши лесной...»	19
«Прикосновенье к боли – есть рождение...»	20
«Что утаил, то пропадёт...»	20
«В этом горестном мире...»	21
«Несите крест сегодняшнего дня...»	22

ДУША НЕ ТЕРПИТ ПУСТОТЫ

«Под древнею строкой Екклесиаста...» . . .	23
«Колокольчик, милое созданье...»	24
«Устав от нескончаемых словес...»	25
«Душа не терпит пустоты...»	26
Рывок	27
«Где Ты сейчас? По каким путешествуешь весьма?...»	28
«И если небо не причастно...»	29
«Там, где грудная клетка, что-то бьётся...» . .	30
«Как близко небо пред снегопадом!...» . .	31
Первый снег	32
«Из синевы глубоких теней...»	33
«Ах, февраль, благословенна светлость...» .	33
«Ах, эти туманы, обнявшие дали туманы...» .	35
Деревья	36
«А когда замолчу...»	37
«Да будет музыка легка...»	38
«Как часто в повседневной суете...»	38

ДА БУДЕТ НАДО МНОЙ ТВОЯ СВЯТАЯ ВОЛЯ

«Ожог рябины в сентябре...»	39
Молитва	39
«Теперь уже не верю обещаньям...»	40
Истина	41
Страхи	42
«Неизбывна суета...»	44
«Довольно дню его печали...»	44
«Не признаю отчаянья, бессилья...»	45
«Я пришла в этот мир научится терпенью...»	46
«А всего-то лишь и надо...»	47
Награда и наказание	48
Просвещённый и неофит	53
«Велик народ, – и ТАЙНА велика...»	53
«Добрый вечер!..»	54
«Пусть будет воздух чист всегда...»	55

ВЕСЬ МИР ДУШОЮ ОБНИМАЯ

«Мне судьбой не дано...»	56
«Я от земли не оторвусь...»	57
«Неутомимые капли...»	58
«Живу взаимы. Смогу ли заплатить...»	59

«Хватаясь за соломинки лучей...»	59
«Зелёные озёра тишины...»	60
«В роще берёзовой, светлой как Русь...»	61
Русская берёза	62
«В деревьях гуляют сквозняки...»	64
Ведомо	65
«А у неё глаза синее неба...»	68
В сумерках	69
Преображение	71
Тётя Ида	72
«Где-то в дебрях глухих...»	73
Вербное воскресенье	75
«Всё чаще потери...»	76
«Нас осенила крылом золотым...»	76
На Троицу	77
После ливня	78
Полевые цветы	78
Сестре Марии	79

Колова Ольга Викторовна. К светлой высоте. Стихотворения.

Кострома, 2015.- 88 с.

Литературно-художественное издание.

Подписано в печать 1.1.2015

Формат 105x148. Гарнитура «Times New Roman».

Бумага офсетная.

Тираж 200 экземпляров.

Отпечатано:

ООО «Фабрика сувениров»

г. Кострома, пр. Мира, 51